

«КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ» В ЭПОХУ СОЦРЕАЛИЗМА, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ ГОГОЛЯ В СТРАНЕ БОЛЬШЕВИКОВ

Стивен Моллер-Салли

I

«Мы вступаем в новую жизнь с грузом пролетарского сознания; нас хотят нагрузить еще непомерной ношей — достижениями буржуазной культуры. Мы уподобимся в таком случае перегруженному верблюду и не сможем пойти дальше. Отбросим целиком буржуазную культуру, как старый хлам»¹. Эти слова прозвучали в ходе обсуждения резолюции об основах пролетарской культуры на Первой всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительских организаций, состоявшейся в Москве 15—20 сентября 1918 года. В самом деле, нагрузка была непомерной. Не удивительно, что товарищу пришло в голову сравнение культурного деятеля с верблюдом. Хотя сегодня его предложение освободиться от бремени буржуазной культуры (пролетарское сознание и без того перегружено!) может показаться наивным, оно было вполне в духе времени. Если в области политики был совершен «скачок» через буржуазную фазу в марксистской исторической эволюции, то наверняка возможно было бы выработать и новую культуру без оглядки на прошлое.

Такое «анархистское», «нигилистическое» отношение к культурному наследию представляло собой один из полюсов в полемике, которая велась на протяжении всех двадцатых годов. На противоположном полюсе стояли те, кто считал нужным сохранить старую культуру как базу для новой. Следует заметить, что руководители партии чаще всего придерживались этой последней точки зрения, считая прямой скачок в царство пролетарской культуры или невозможным, или бессмысленным. Уже в 1920 году в проекте резолюции, которой Ленин хотел наконец подчинить Пролеткульт Наркомпросу, он настаивал на том, что завоевание культурного наследия — необходимая предпосылка пролетарской культуры². Резолюция «О политике партии в области художественной литературы» закрепила эту линию: «Партия, именно потому, что она видит в “пролетарских писателях” будущих идейных руководителей советской литературы, должна всячески бороться против легкомысленного и пренебрежительного отношения к старому культурному наследству»³. Но пресловутый «компромисс» 1925 года не положил конца распрям о культуре прошлого. Место этого наследия в советской культуре было окончательно установлено только в эпоху соцреализма.

Чем объясняется такой культурный консерватизм со стороны политического авангарда? Почему, как спрашивал Маяковский,

Не атакован Пушкин?
А прочие
Генералы классики?
Старье охраняем искусства именем,
Или
Зуб революции ступился о короны?⁴

Лишь на первый взгляд желание сохранить литературное наследие может показаться делом вкуса. Как и представители радикальной интеллигенции, руководители партии были воспитаны на классике русской реалистической литературы XIX века и поэтому естественно отмежевывались от любого движения — будь оно футуристским или пролетарским, — предполагавшего «отбросить» эту традицию⁵. Известно, например, что к Маяковскому Ленин относился без особой симпатии. «Я вот Маяковского несколько раз пробовал читать», — с издевкой признавался он, — «и никак больше трех строчек не мог, все засыпаю»⁶. Но не одними вкусами объясняется острота ситуации. Если мы вернемся к проекту резолюции 1920 года, то увидим, что Ленин ассоциировал культурное наследие именно с *контролем* над организациями народного просвещения: «Всероссийский съезд Пролеткульта самым решительным образом отвергает, как теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки *выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации*, разграничивать области работы Наркомпроса и Пролеткульта или *устанавливать автономию* внутри Наркомпроса и т.п.»⁷. Ленин понял, что «искусства именем» охраняется не «старье», а то, что Пьером Бурдые определяется как *культурный капитал*⁸. Именно поэтому партия установила монополию на публикацию произведений классиков уже в 1918 году⁹. Создание оторванной от традиции пролетарской культуры обесценило бы этот культурный капитал и, следовательно, способствовало бы практической автономии культурных организаций. Защитой литературного наследия партия предохраняла полноценность своего собственного культурного капитала. Более того, пользуясь авторитетом «генералов классики», она могла прикрепить к себе не только Пролеткульт, но и все литературные группировки от попутчиков до авангарда.

Специфическая ценность классика, как любой формы культурного капитала, проявляется по-разному в конкретных обстоятельствах. Значение классического писателя преимущественно акцентируется по одному из двух вариантов¹⁰. Первый вариант можно назвать нео-классическим. Здесь классик — или скорее его произведения — служит примером для подражания. Усваивая у него комплекс авторитетных культурных форм, начинающий писатель якобы достигает определенного равенства с образцом, или даже превосходит его. Второй, романтический, вариант подчеркивает не формы культуры, а ее дух. По этой модели, классический писатель считается чем-то вроде культурного героя; он воплощает сущность народного характера и раскрывает весь его потенциал. Припоминаются в этом отношении слова Гоголя о Пушкине: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа; это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет»¹¹. Поражает в этой цитате сходство между гоголевским описанием Пушкина («русский человек *в его развитии*») и формулой социалистического реализма: «Социалистический реализм... требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности *в его революционном развитии*». Задача этой статьи — проследить родство традиционного культа литературного классика эстетике соцреализма на примере Н. В. Гоголя. Анализируя материалы, касающиеся истории его восприятия в Советской России, я надеюсь не только восстановить образ писателя, как он был представлен в эпоху «высокого сталинизма», но и выявить функцию классического наследия в «большом стиле» большевизма.